

А.Ю. Серегина

ЖЕНСКАЯ БИОГРАФИЯ И КАТОЛИЧЕСКАЯ РЕЛИГИОЗНАЯ КУЛЬТУРА XVII В.: «ЖИЗНЕОПИСАНИЕ ВИКОНТЕССЫ МОНТЕГЮ»

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Ричард Смит, леди Монтегю, биография, наставления, религиозная культура, модели женского поведения, религиозная полемика

АННОТАЦИЯ: в статье анализируется «Жизнеописание виконтеcssы Монтегю» Ричарда Смита (1627), первая опубликованная биография английской католички раннего Нового времени. Выявлены модели женского поведения, предлагаемые автором своим читательницам, а также и способы влияния на их религиозные практики и приведения их в соответствие с приоритетами пост-Тридентской католической культуры. Прилагается перевод «Жизнеописания» на русский язык.

XVI — XVII вв. стали периодом бурного развития автобиографий и биографических сочинений. Свою роль в нем сыграли различные факторы, один из которых — изменения религиозной культуры, происходившие в Европе, начиная с XV в., и способствовавшие формированию новой католической религиозности, а позднее, и обладавших своей выраженной спецификой протестантских культур.

Для благочестия раннего Нового времени, вне зависимости от конфессиональной принадлежности, характерна интроспекция, пристальное внимание не только к усвоению вероучения, но к внутренним побуждениям, мотивациям поступков, словам и жестам, связанным не только с публичной литургией, но и с личным благочестием: молитвами и медитациями, творимыми в уединении или в узком кругу друзей

Анна Юрьевна Серегина, д.и.н., в.н.с. Отделения историко-теоретических исследований ИВИ РАН, aseregina@mail.ru

и родственников, в частном пространстве (монашеской кельи или собственных покоев).

Внимание к внутреннему миру оформлялось и обретало направление благодаря различным религиозным и культурным практикам: например, технике вопрошания совести как способа подготовки к исповеди, опросы учеников иезуитских коллегий о семье, ее конфессиональной принадлежности и/или благочестивых обычаях, а также распространенные в раннее Новое время истории обращения от греха к истинной вере, которые могли принимать формы повествования о приходе в тот или иной монашеский орден (*conversion* как изменение образа жизни), о переходе в другую веру (конфессиональное обращение), или же сочетать обе традиции.

Литературными моделями для жизнеописаний служили произведения различных жанров, но в религиозной сфере наиболее влиятельными были агиографические сочинения, издававшиеся в виде памфлетов истории обращения (обычно конфессионального) и надгробные проповеди. Все эти жанры призваны были наставлять верующих, являя им модели благочестивой жизни и смерти, образцы правильного гендерного поведения и взаимодействий с властями¹. Последнее было особенно актуально для религиозных меньшинств, которые, как католики в Англии, подвергались преследованиям: их представители, мужчины и женщины, оказывались в оппозиции к правительству и должны были выстраивать линии поведения, соответствовавшие представлениям о том, что подобает их полу и статусу, не изменяя при этом своей конфессии.

В предлагаемой читателю публикации — «Жизнеописании виконтессы Монтегю» (1627) — представлена идеаль-

1 Stewart. 2018: 16; McCullogh. 2011; Shinn. 2018: 1–27.

ная модель женского поведения, рассчитанная на светскую аудиторию — благочестивых католичек дворянского происхождения, жен и матерей, задавшая параметры жанра для подобного повествования на десятилетия вперед.

Героиня этого повествования, Магдален Дейкр (1538–1608), родилась в семье барона Гилсленда — аристократа-католика из Камберленда, и была связана узами родства со всеми влиятельными семьями севера Англии (преимущественно католическими или симпатизировавшими католицизму). В 1551–1553 гг. девочка воспитывалась в доме леди Рассел (урожд. Энн Сапкот) в Чейнис маноре (Бакингэмшир). Последняя была придворной дамой Екатерины Арагонской и Джейн Сеймур. Ее имя упомянуто среди дам-участниц похоронной процессии последней в 1537 г., в числе всадниц, следовавших за каретами (причем ее спутницей была Элис, леди Браун, мать будущего виконта Монтегю).

В 1530–х гг. леди Расселл служила и принцессе Марии. Поэтому неудивительно, что ее подопечная, в числе родственниц которой также были дамы свиты королевы Екатерины Арагонской (бабушка героини, Энн Тэлбот, графиня Шрусбери), в 1553 г. оказалась при дворе и стала одной из фрейлин королевы Марии I. В 1554 г. она сопровождала свою госпожу в Винчестер и участвовала в свадебной процессии королевы².

Расселы были придворным семейством и давними друзьями сэра Энтони Брауна и его жены, а также и их сына Энтони, с 1554 г. — виконта Монтегю. Младшая сестра виконта, Мейбл Браун, вместе с Магдален была фрейлиной королевы. Все эти семейные и дружеские связи предполагают давнее знакомство виконта с его будущей женой. В 1558 г. он был

---

2 Biographical Encyclopedia. 2017: 171.

молодым вдовцом, только что получившим титул виконта, орден Подвязки и членство в Тайном Совете, и таким образом, являлся завидным женихом.

Молодая пара явно хорошо знала друг друга и это способствовало их семейному счастью: чета Монтегю прожила в согласии 33 года (до смерти виконта Монтегю в 1592 г.), произведя на свет 12 детей. Переписка супругов не сохранилась, однако косвенным свидетельством любви и доверия мужа стало его завещание, в котором он значительно расширил причитавшуюся леди Магдален по брачному договору долю имущества, включив в него лондонский дом в Саутуорке (на южном берегу Темзы, у Лондонского моста)³.

За годы вдовства виконтесса Монтегю прославилась как одна из самых влиятельных и активных покровительниц католического духовенства и единоверцев и пользовалась большим уважением не только среди родственников, но и в английском католическом сообществе в целом. Это обстоятельство отчасти объясняет причину выхода в свет ее биографии.

Автор этого сочинения, Ричард Смит (1568–1655), учился в Оксфорде (колледж Троицы), а затем эмигрировал и продолжил обучение в Английской коллегии в Риме. После рукоположения (1586 г.) он почти двадцать лет преподавал в английских коллегиях, основанных в Испании (в Вальядолиде и Севилье). Последняя из них имела тесные связи с семьей Монтегю: там учились и преподавали несколько семейных капелланов.

Именно благодаря своим связям с Севильей в 1603 г. Ричард Смит был принят в доме виконтессы Монтегю и стал

3 Поместье Бэттл в Восточном Сассексе причиталось виконтессе по брачному договору. См. **Серегина**. 2017: 324.

ее духовником. После смерти виконтессы (1608 г.) Смит долгое время оставался в свите ее внука, 2-го виконта Монтегю (до конца 1609 г.), а затем покинул Англию и присоединился к сообществу английских священников в коллегии Аррас (Париж). Во Франции Смит пользовался покровительством кардинала Ришелье и при его поддержке стал в 1625 г. епископом Халцедонским — главой английского католического клира. Пробыв в Англии до 1628 г., епископ был вынужден покинуть страну, опасаясь преследований, и вернулся в Париж. Последние десятилетия его жизни были посвящены написанию полемических и наставительных сочинений, адресованных как мирянам, так и студентам Английских коллегий.

Биография леди Монтегю была издана на английском языке в 1627 г. Текст представлял собой расширенную версию надгробной проповеди, произнесенной в 1608 г. Ричардом Смитом на похоронах виконтессы. Этот вариант был издан на латыни в 1609 г. в Риме в типографии Джакомо Маскарди⁴. Английский перевод был заказан самим виконтом автору — епископу Смицу, который, в свою очередь перепоручил его капеллану виконта, монаху-бенедиктинцу Катберту Ферсдону (1602–1638)⁵.

Биография виконтессы Монтегю стала первой среди жизнеописаний английских католичек в пост-Реформационной Англии. Этот текст оказался востребованным не только в Англии, но и за его пределами. В 1611 г. латинский оригинал был переведен на немецкий язык под заглавием «Зерцало женщин»⁶. Опубликованный

---

4 Smith. 1609.

5 McCann. 1989: 396, 402–403.

6 Smith. 1611.

в 1627 г. в типографии Английской коллегии Сент-Омера текст стал образцом для других биографий благочестивых католичек, а именно, жизнеописаний племянницы виконтессы, графини Эрендел (1630–е гг.)⁷, Джейн Дормер, герцогини Ферия (написана между 1610–1643)⁸ и Дороти Лаусон (1650–е гг.)⁹.

Все благочестивые биографии моделировались их авторами по образцам раннехристианской агиографии. В предисловии к *Жизнеописанию достопочтенной и добродетельной леди Магдален, виконтессы Монтегю* Ричард Смит указывал на образцы, которым должно следовать автору подобного труда. Это жизнеописания Св. Паулы и Св. Марцеллы и благочестивых вдов Блезиллы и Фабиолы, описанных в посланиях Св. Иеронима, а также и жизнь Св. Моники, рассказанная ее сыном, Св. Августином¹⁰. Все эти святые прославились как добродетельные жены и матери, благочестивые вдовы и активные члены христианской общины.

Идеал христианской женственности требовал от женщины смирения и повиновения своим родителям и старшим родственникам, а затем — и мужу. В соответствии с этим и выстраивалось повествование биографии. В ней отсутствует конфликт между родителями и детьми, особенно связанный с религиозным выбором последних. Ситуация облегчалась тем, что у леди Монтегю родители были католиками. Это обстоятельство позволяло автору рассказывать о наставлениях в благочестии и женских добродетелях (скромности и смирении), полученных девочкой еще в кру-

---

7 Life. 1877.

8 Clifford. 1887. Palmer. 1855.

9 Palmer. 1855.

10 Smith. 1627: Preface to the Reader (unpaginated).

гу семьи, а затем подкрепленных воспитанием в свите леди Рассел и королевы Марии I.

На страницах биографии леди Магдален представлена как прекрасная жена и любящая мать (даже для детей мужа от первого брака). Ричард Смит подчеркивает покорность виконтессы мужу, изображая ее податливой и пассивной, что не вполне соответствовало действительности. Хотя супруги явно жили в согласии, леди Магдален довольно часто проявляла собственную волю, что отражается и в ее деловой хватке, и в активной переписке с придворными и членами Тайного Совета королевы Елизаветы. Муж также признавал и ценил деловые качества своей супруги.

Однако образ, рисуемый Смитом, не предполагал подобных проявлений воли своей героини. Единственной сферой, где она могла проявить себя — да и то под руководством духовника — это область домашнего благочестия, о которой речь пойдет чуть позже. Поэтому все они оказываются «вне кадра». Или почти все: Смит приводит рассказ о незадачливом слуге, прибегнувшем к немалым ухищрениям ради того, чтобы подслушать советы, которые леди Монтегю давала своему мужу в спальне¹¹. Таким образом, оказывается, что вся свита виконта прекрасно осведомлена о влиянии, оказываемом леди Магдален на мужа.

Другая стратегия, использовавшаяся авторами благочестивых биографий вслед за Смитом, была тесно связана с выстраиванием идеальных отношений между героинями и прочими носителями патриархальной власти, прежде всего, с их духовными наставниками, и католическим клиром в целом. Глава 17 биографии леди Монтагю посвящена идеальным взаимоотношениям между патронессой и настав-

---

11 Smith. 1627: 22–23.

ником¹². Однако и в ней присутствуют указания на моменты напряженности между ними. Так, описание ее манеры исповедоваться продемонстрировало разрыв между ожиданиями капеллана и привычными практиками его патронессы и ее непонимание новых требований (подробнее см. ниже). Другими «спорными» вопросами оказывались правила соблюдения постов и посещение приходских (протестантских) церквей согласно требованию закона. Во всех случаях Смит подчеркивает, что воля духовника возобладала, хотя читатель вправе усомниться в том, так ли это: сохранившиеся в лондонских архивах документах сведения свидетельствуют о том, что в 1593 г., испытывая сильное давление властей, виконтесса Монтегю не только присутствовала на богослужениях в Саутуорке, но даже причащалась по «еретическому» обряду¹³.

Тем не менее, при всей возможной напряженности отношений в биографии предстает образ леди Магдален, покорно и смиренно внимающей наставлениям своих капелланов. Данная модель решала несколько важных задач. Во-первых, она была призвана демонстрировать «правильные» отношения между духовенством и мирянами (не только женщинами). В XVI столетии представители церковных реформаторов настаивали на том, что именно духовенство (приходское, или миссионеры) должно было учить и наставлять мирян в вопросах веры, вне зависимости от образовательного уровня последних. Это положение отражало католическое представление о церкви (=священстве) как посреднице между Богом и людьми в отношении таинств и

12 Smith. 1627: 60–65.

13 Серегина. 2017: 217.

даруемой через них благодати, и в отношении духовного учительства.

Во-вторых, идеальные отношения патронессы и капеллана-наставника были призваны отражать нападки протестантских полемистов. Подчинение власти священника дополняло, а в ряде случаев восстанавливало нарушенную в силу религиозного конфликта «нормальную» гендерную иерархию. Таким образом, католическое сообщество не выглядело «феминизированным», т.е., дающим слишком много власти женщинам. А поскольку женщины более склонны к грехам плоти, отношения наставничества в сочетании с рассказом о целомудренной жизни вдов имели дополнительный смысл. Они должны были защищать католичек и их капелланов от обвинений в прелюбодеянии, показывать, что женское подчинение основывается не на греховной телесной страсти, но является подчинением духовной власти католической церкви, носителями которой были священники-миссионеры.

Наконец, идеальная модель отношений женщин и их капелланов играла важную роль и во внутри-католической полемике XVII столетия. Начиная с 1590-х гг. и вплоть до конца 1630-х гг. английское католическое сообщество было поглощено внутренним конфликтом между семинарскими священниками и другими миссионерами — представителями монашеских орденов, прежде всего, иезуитов. Полемика затрагивала вопрос о судьбе католической миссии в Англии — а именно, о том, как и кем она должна была управляться: семинарскими священниками, и епископом, которые были призваны заместить утраченную в ходе Реформации католическую иерархию (ставший в 1625 г. епископом Халцедонским *in partibus* Ричард Смит разделял именно этот подход) или же миссионерами (иезуитская модель). Клирики обме-

нивались язвительными комментариями на страницах памфлетов, а миряне, в свою очередь, поддерживали ту или иную сторону выбором капеллана, финансовой поддержкой и/или лоббированием в Риме просто выбирая капеллана или даже финансируя/лоббруя ее в Риме¹⁴.

Соответственно, и рассказ об идеальных отношениях капеллана и патронессы не был нейтральным. Он был призван показать, во-первых, что представители той или иной стороны умеют управляться со своими высокопоставленными и порой капризными патронами и подчинять их своей власти. Во-вторых, он демонстрировал привязанность мирян к определенной группе клириков, в данном случае, поддержку клана Монтегю епископу Халцедонскому¹⁵.

Наставительная роль жизнеописания леди Монтегю не исчерпывалась указанием на образцы идеальной женственности. Его автор, Ричард Смит, своим текстом также задавал параметры новой, пост-Тридентский религиозной культуры, в тех ее аспектах, что касались сакральных пространств и благочестивых практик. Его представление о том, как должна выглядеть литургическая и молитвенная жизнь католического поместья, обрисовано в соответствующих главах жизнеописания.

Описывая круг богослужений в поместье Монтегю, Смит привлекает внимание читателя к тому факту, что в доме виконтессы была часовня с каменным алтарем. Тридентский собор подтвердил правило, согласно которому алтари всегда делались каменными. По всей видимости, Ричард Смит желал подчеркнуть, что в капелле пользовались не переносными деревянными алтарями, а возвели

---

14 Серегина. 2006: 44–51, 61–63.

15 Серегина. 2008: 88–89; Серегина. 2017: 176–177, 362.

постоянный, несмотря на гонения, причем ранее этот алтарь уже использовался в монастырской церкви¹⁶. Таким образом подчеркивалась преемственность между старинной церковью, служившей местом совершения литургии с XII в., и домом виконтессы¹⁷.

Благочестивые обычаи леди Магдален представлены в качестве образца и в других важных вопросах, касающихся таинств. В до-реформационной Англии причащение было относительно редким событием для мирян. Подавляющее их большинство принимало причастие раз в год, на Пасху (исповедавшись в Великий Четверг), и эту практику одобрил Тридентский собор. Католические реформаторы XVI–XVII вв. поощряли прихожан причащаться чаще. Однако, несмотря на усилия приходских священников и миссионеров, частое причащение вплоть до начала XVIII в. оставалось уделом благочестивой элиты, к числу которой, несомненно, можно причислить и виконтессу Монтегю.

Ее пример важен для биографа не только в силу ее собственного частого причащения, но и как образец католической благотворительности. В биографии подчеркивается, что леди Монтегю допускала в свою капеллу всех католиков, каких знала, в том числе и тех, кого в тексте Смит именует «бедными людьми»¹⁸. Трудно сказать, о ком именно идет речь: о католиках-простолюдинах, которые жили в Бэттле — и которых виконтесса вполне могла знать лично — или же о католиках из числа мелких дворян-джентри. Возможно, и о тех, и о других. Таким образом, свиты католических магнатов, подобных Монтегю, могли, по мнению

---

16 Smith. 1627: 38–39.

17 Серегина. 2017: 384.

18 Smith. 1627: 30.

Смита, способствовать проникновению новых приоритетов реформированного католицизма в английскую религиозную культуру¹⁹.

Подобным же образом выстраивается и рассказ об исповеди. Судя по биографии, виконтесса Монтегю исповедовалась и причащалась каждую неделю. Анализ приведенных в ней ежедневных молитв леди Магдален указывает на то, что она пользовалась часословом 1555 г.²⁰ В него было включено пособие, призванное помочь мирянам подготовиться к исповеди. Оно было довольно простым и коротким, представляя собой простой перечень грехов. Часослов был издан, когда леди Магдален была еще молодой женщиной, только что вышедшей замуж. Таким образом, можно предположить, что он задавал ритм религиозной жизни дома Монтегю, в том числе и практики покаяния. В пользу этого предположения свидетельствуют и данные биографии виконтессы: ее религиозные практики и ритм ежедневных молитв определился еще в молодости, когда она была фрейлиной королевы Марии, и на него сильно повлияло благочестие правительницы.

Тем не менее, этот часослов и предписываемые им практики был слишком несовершенным с точки зрения воспитанных в семинариях священников-миссионеров, поскольку предполагал недостаточно внимательный взгляд верующего на собственные поступки и мысли. Процесс перехода к новым практикам оказался болезненным, о чем свидетельствует одна из редких «проговорок» Смита, указывающая на конфликт между ним и его патронессой. Практика вопрошания совести, распространенная на континенте практику ка-

---

19 Серегина. 2017: 390.

20 Primer. 1555.

толиков–реформаторов, восходила к религиозной культуре *Devotio moderna* и позднесредневековой медитативной традиции, воспринятой иезуитами²¹. Английские клирики получали образование в континентальных семинариях, которыми управляли иезуиты, и были, несомненно, знакомы с этой техникой. Ричард Смит не был исключением, и, как следует из его текста, в один прекрасный момент решил применить ее в доме вдовствующей виконтессы. Хотя, по его словам, леди Монтегю в конце концов приняла новую практику и привыкла к ежедневному поиску греховных поступков и побуждений, текст биографии указывает на первоначальное удивление и обиду со стороны виконтессы, столкнувшейся с новым для нее явлением. Она просто не поняла, чего еще требует от нее духовник. Ричард Смит говорит даже, что она решила прояснить это и спросить: «почему я решил, что она что-то утаивала на исповеди»²².

Содержание исповеди также менялось. Если раньше главным фокусом вопросов и наставлений исповедника были грехи, направленные против христианского сообщества, в пост–Тридентскую эпоху, с переходом к более индивидуальной и тонкой с психологической точки зрения исповеди, это фокус, по мнению ряда исследователей, сместился в сторону грехов плоти, сексуальных отношений²³. Биография виконтессы Монтегю демонстрирует внимание исповедников к проблемам сексуальности. Целая глава биографии, как уже отмечалось выше, посвящена целомудрию леди Магдален. Еще более примечательно, что тема целомудрия постоянно звучит и в главе, посвященной жизни ее супруга, виконта

---

21 O'Malley. 1993: 134–152.

22 Smith. 1627: 28.

23 См., например, Bossy. 1975: 33.

Монтегю, хотя целомудрие — не та добродетель, которая немедленно приходит на ум применительно к влиятельному аристократу. Тем не менее, в описании Ричарда Смита виконт Монтегю умолял овдовевшего отца отказаться от сожителства с любовницей и жениться²⁴. Далее в биографии приводится красочная история о том, как виконт, оказавшийся в 1559 г. в Испании с посольством (без жены), тяжело заболел. Призванные на помощь врачи посоветовали ему для восстановления здоровья пригласить к себе женщину, и услужливые друзья немедленно нашли ему «англичанку». Однако благочестивый виконт отказался подвергать свою душу опасности, несмотря на все старания женщины²⁵. Ричард Смит стал капелланом семьи Монтегю через 10 лет после смерти первого виконта и вряд ли мог услышать эту историю; ее, скорее, стоит считать благочестивым вымыслом. Однако она свидетельствует об изменении приоритетов исповедников²⁶.

Еще одним характерным признаком религиозной культуры пост-Тридентского католицизма относились и молитвы розария. Эта благочестивая практика распространилась в Англии в XV — начале XVI вв. и претерпела существенные изменения в пост-реформационный период. До Реформации розарий — т.е., цикл из пятидесяти молитв, соотносящихся с эпизодами из жизни Христа и Девы Марии, — был известен в Англии в двух редакциях: доминиканской и картузианской, и представлял собой форму приходской благочестивой практики. Распространение розария в католическом сообществе конца XVI в. и позднейших эпох напрямую связано с дея-

---

24 Smith. 1627: 8.

25 Smith. 1627: 9.

26 Серегина. 2017: 395–397.

тельностью священников–миссионеров, и, прежде всего, иезуитов. Именно они стали создавать братства розария при каждой своей коллегии. Братства объединяли преподавателей и учеников, а также и горожан в совместном почитании Девы Марии. Они использовали унифицированный доминиканский вариант розария.

Братства розария, создававшиеся иезуитами в Англии, были приспособлены к местным условиям. Так, из специально написанного иезуитом Генри Гарнетом руководства «Общество розария» (1593 г.) явствует, что если в континентальных католических странах братство розария должно было иметь свою часовню или алтарь, то в Англии такой часовней становился просто дом католиков²⁷, а членом братств мог стать любой католик, богатый или бедный, — членского взноса не существовало, а членство было пожизненным. Из соображений безопасности списки членов братств уничтожались сразу по составлении (эта практика существовала до середины XVIII в.)²⁸. Леди Монтегю прочитывала молитвы розария трижды в день²⁹, как это и предписывалось членам братства розария; ее примеру вполне могли следовать дамы ее свиты и домочадцы. Известно, что братства розария существовали в домах ее родственниц (Дороти Лаусон, графини Эрендел)³⁰. Можно предположить, что такое братство объединяло и членов свиты леди Магдален.

Братства розария были призваны наставлять верующих, и через их посредство до английских католиков доносились нормы пост–Тридентского благочестия. Так, сочинение Гар-

---

27 Garnet. 1593.

28 Dillon. 2003.

29 Smith. 1627: 32.

30 Palmer. 1855: 38; Life. 1877: 297–298.

нета предоставляет читателям доступное изложение учения о непорочном зачатии Девы Марии, а также признанное сообществом толкование Воплощения и Искупления и ее роли в нем. Кроме того, Дева Мария предстает здесь не только как милосердная мать-заступница, но скорее как Победительница, торжествующая над ересью. Этот образ появился после того, как Пий V, призвав к крестовому походу против турок, обратился к заступничеству Богородицы. После победы над турками при Лепанто (1571 г.) образ Марии-победительницы широко распространился по Европе. Розарий в его пост-Тридентском виде непосредственно апеллировал к этой идее. Так, Генри Гарнет именовал его «древним средством ... искоренения ереси»³¹. Неслучайно в иезуитских коллегиях в братства объединялись будущие миссионеры, призванные противостоять ей. Так, братства розария соединяли в себе общинный ритуал, наставление в вере и проповедь истинной веры против ереси³².

Наконец, глава биографии, посвященная «благой смерти» леди Монтегю, также представляла новую модель поведения. В ней описываются болезни и физические страдания. Виконтесса Монтегю страдала от инсульта, и была частично парализована; ее супруг также умер после затяжной болезни, хотя природа этого недуга не раскрывается³³. Тем не менее, для Смита болезнь и физические страдания, переносимые с терпением и смирением, являлись свидетельством действия благодати, так как виконт Монтегю и его супруга получили возможность испытать на земле муки чистилища и, соответственно, улучшить посмертную судьбу. Знаком избранниче-

31 **Garnet.** 1593: 8. См. также **Dillon.** 2003: 465–466.

32 **McClain.** 2005.

33 **Smith.** 1627: 2, 38–43.

ства становится теперь не отсутствие страдания (что было свойственно до-реформационной литературе), а способность его переносить, выполняя при этом все, что ожидалось от доброго христианина. Виконтесса Монтегю продолжала молиться, хотя ее роль стала из-за болезни более пассивной: инсульт, по всей видимости, сказался на ее речевых функциях (по крайней мере, поначалу), поэтому дневные молитвы произносились членами ее свиты. Они же читали виконтессе евангельское повествование о Страстях Христовых и благочестивые наставления³⁴.

Виконтесса также нашла время распорядиться своим имуществом и попрощаться с домочадцами и друзьями. Отнюдь не все они были католиками, о чем свидетельствует рассказ биографа: на смертном одре виконтесса пыталась обратить своих друзей-протестантов в «истинную веру». Наконец, она исповедалась и причащалась каждый день во время болезни, причем перед ее лицом держали украшенное драгоценностями старинное распятие, принадлежавшее бабке виконтессы, графине Шрусбери³⁵.

Таким образом, «благая смерть» в пост-реформационный период подразумевала период интенсивных религиозных переживаний для всех домочадцев. Совместные молитвы умирающей и других католиков объединяли членов общины верующих в отсутствие прихода, а пример благочестия умиравшей дамы должен был служить наставлению других. Поэтому смерть оказывалась делом публичным: рядом с умиравшей виконтессой Монтегю находились отнюдь не только члены семьи и капелланы, но и другие члены свиты; кроме того, пока позволяло физическое

---

34 Smith. 1627: 38–40.

35 Smith. 1627: 40, 42.

состояние, она принимала посетителей. А после ее кончины рассказ о «благой смерти» прозвучал во время надгробной проповеди, и позднее был опубликован, чтобы служить наставлением остальным католикам страны и примером для других писателей³⁶.

---

36 Серегина. 2017: 399.

Список источников и литературы

ИСТОЧНИКИ

- Garnet. 1593** — Garnet H. The Societie of the Rosary. L., 1593.
- Life.** 1877 — The Life of Lady Anne Countesse of Arundell and Surrey. L., 1877.
- Clifford.** 1887 — Clifford H. The Life of Jane Dormer, Duchess of Feria. L., 1887.
- Palmer.** 1855 — Palmer W. The Life of Mrs. Dorothy Lawson. Newcastle-upon-Tyne, 1855.
- Primer.** 1555 — The Primer in Latin and Englishe (after the use of Sarum), printed by John Wayland. L., 1555.
- Smith.** 1609 — Smith R. Vita Dominae Magdalenae Montis-Acuti in Anglia Vice-Comitissæ. Romæ, 1609
- Smith.** 1611 — Smith R. Frawenzimmer Spiegel, das ist: Das leben der ... Frawen Magdalena Marggräfin zu Scharpffenberg ... In Lateinischer Sprach beschriben, und jetzo ... auff unser teutsche Sprach ubersetzt. Bey Chrysostomo Dabertzhofer. Augspurg, 1611.
- Smith.** 1627 — Smith R. The life of the most honourable and virtuous lady the Lady Magdalen Viscountesse Montague. St Omer. 1627.

ЛИТЕРАТУРА

- Серегина.** 2006 — Серегина А.Ю. Политическая мысль английских католиков второй половины XVI — начала XVII вв. СПб., 2006.
- Серегина.** 2008 — Серегина А.Ю. Религиозная полемика и модели женского поведения в Англии XVI – XVII вв. // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. Вып. 15. 2008. С. 53–99.
- Серегина.** 2017 — Серегина А.Ю. Английское католическое сообщество XVI – XVII вв.: виконты Монтегю. М.–СПб., 2017
- Biographical Encyclopedia.** 2017 — A Biographical Encyclopedia of Early Modern Englishwomen / Ed. by C. Levin, A.R. Bertolet, J. E. Camey. Abingdon-NY, 2017.
- Bossy.** 1975 — Bossy J. The Social History of Confession in the Age of the Reformation // Transactions of the Royal Historical Society. Vol. 25. 1975. P. 21–38.

Dillon. 2003 — Dillon A. Praying by Number: The Confraternity of the Rosary and the English Catholic Community, c.1580-1700 // *History*. Vol.88. 2003. P. 451-471.

McCann. 1989 — McCann T.J. "The Known Style of a Dedication is Flattery": Anthony Browne, 2nd Viscount Montague of Cowdray and His Sussex Flatterers // *Recusant History*. Vol.19. 1989. P. 396-410.

McClain. 2005 — McClain L. Using What's at Hand: English Catholic Reinterpretations of the Rosary, 1559-1642 // *Journal of Religious History*. Vol. 27. 2005. P.161-176.

McCullogh. 2011 — McCullogh P. Preaching and Context: John Donne's Sermon at the Funerals of Sir William Cockayne // *The Oxford Handbook of Early Modern Sermon* / Ed. by P. McCullogh, H. Adlington, E. Rhatigan. Oxford, 2011. P. 213-267.

O'Malley. 1993 — O'Malley J. W. The First Jesuits. Cambridge, Mass., 1993.

Shinn. 2018 — Shinn A. Conversion Narratives in Early Modern England. L., 2018.

Stewart. 2018 — Stewart A. The Oxford History of Life Writing. Vol. 2: Early Modern. Oxford, 2018.